

ВОСПОМИНАНИЯ О ВЛАДИМИРЕ КУДРЯВЦЕВЕ. ЕГО ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ О СЕБЕ И О НЕМ

К 80-летию первого руководителя отечественного ориентирования

Владимир Николаевич Кудрявцев родился 24 мая 1935 года. Свой первый туристский поход по Кавказу он совершил по окончании 9-го класса. Через десять лет ему было присвоено звание мастера спорта. Практически одновременно он возглавил Центральную комиссию по слетам и соревнованиям. Еще через 17 лет Владимир Николаевич привел поклонников бега с компасом и картой к созданию Федерации спортивного ориентирования СССР. Его деловитость, целеустремленность, честность напугали спортивных чиновников, и ему не позволили руководить новым общественным органом.

В.Н. Кудрявцев был крупным ученым, доктором химических наук, профессором.

Сегодня мы представляем несколько новелл, в которых раскрываются дела и характер первого руководителя советских ориентировщиков. Авторы воспоминаний работали вместе с В.Н. Кудрявцевым на этапе становления нового вида спорта в СССР. Все они – судьи Всесоюзной категории, почетные члены ФСО России. Воспоминания самого В. Кудрявцева взяты из его интервью в журнале «Турист» и газете «Советский спорт».

К сожалению, когда мы праздновали 50-летие отечественного ориентирования, Владимир Николаевич был тяжело болен. Он скончался полтора года назад – 31 октября 2013 года. В этом году, 24 мая, Владимиру Николаевичу Кудрявцеву исполнилось бы 80 лет.

Воспоминания Бориса Ивановича Огородникова

На Алтае. 60 лет назад... Лето 1955 года... Группа из шести студентов Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева отправилась в поход на Алтай. Руководитель группы – третьекурсник Владимир Кудрявцев. Мы должны с севера Телецкого озера выйти по горам в верховья реки Большой Абакан и сплавиться по ней. Руки, ноги, спины, головы у нас были. Шагать, нести на спинах рюкзаки, любоваться на альпийских лугах прекрасны-

ми жарками и ирисами мы могли. Но вот куда идти, представляли плохо. Как можно ориентироваться в горах по выкопировке из карты-десятикилометровки? В ту пору у туристов других карт не было. Уже на третий день мы потеряли тропу и попали в каньон реки Козтру. Скорость передвижения снизилась до 2–4 км в день. Приходилось то и дело переправляться через реку, чтобы обойти очередной скальный прижим, под которым бесновался поток воды. Подняться от реки в горы мы не решались. Слишком крутые и высокие стены держали нас в узком коридоре. Да и что толку: наверху мы бы потеряли единственную ниточку, которая, в конце концов, должна была вывести к Большому Абакану. Лишь через неделю каньон кончился, и мы пошли быстрее. Однако время было упущено, промежуточный контрольный срок нарушен, продукты кончались. Спасали птицы-кедровки. Сидя на огромных деревьях, они отчаянно кричали и не улетали даже, когда Володя снимал ружье. Тут я выходил вперед, он клал ствол на мой рюкзак и стрелял. Очередная птичка больше воробья, но меньше голубя, падала на землю, а вечером оказывалась в котле.

...Вот и Большой Абакан. Воды много, хотя кое-где торчат камни. Вдоль берега стоят сухие деревья. Значит, строительный материал есть. Но как соорудить плот никто не представлял, даже Эрик Овсянников по прозвищу «Боцман». Возможно, когда-то в парке культуры он

плавал на лодке. Но плот? Тем не менее, решили: нужно спилить шесть сосен (на каждого по бревну), связать их веревками, вырубить шесты для управления и отправляться в путь.

На сооружение плота ушло около двух дней. С продуктами совсем плохо: остались три кружки пшена и банка топленого масла. Но выручали грибы. Не далее пяти метров от стоянки можно было собрать ведро подберезовиков. Кедровки, грибы и горстка пшена поддерживали наши силы. Но однажды Эрик чуть не остался голодным: он упустил ложку в банку с маслом. Трясет банку, трясет, ничего не получается. Сам поглядывает на Володю, поскольку они ели из одной миски. Володя делает вид, что ничего не замечает и уплетает супчик. Тут Эрик отбрасывает банку, достает крышку от мыльницы, присоединяется к Володе и быстренько наверстывает упущенное. Вечером Володя велел ему вырезать деревянную ложку.

И вот настал момент спуска плота на воду. Вагами и шестами столкнули его со стапеля и ахнули: веревки намокли, бревна разошлись, и вместо надежной палубы в воде плавало какое-то решето. Но делать нечего. Уложили рюкзаки, шесты – в руки, отвязали швартовый конец и поплыли. Бревна под ногами крутились, держаться не за что, хорошего толчка шестом не получалось. Через километр плот оказался под правым берегом, с ко-

того подмытые деревья свисали в воду. Они, как щеткой, смели нас в воду. На плоту осталась лишь наша единственная девушка Наташа Поспелова. Но поскольку скорости движения плота и «утопленников» были одинаковые, то вскоре все были на плоту. Выловили шесты и начали толкаться ими более уверенно. Если кто-то захочет увидеть это в натуре, то рекомендую посмотреть кинокартину «Географ глобус пропил». Там подобная сценка на реке Чусовой показана очень точно!

В Хибинах. В зимние студенческие каникулы 1955 года В. Кудрявцев водил менделеевцев на Кольский полуостров. Для меня это был первый поход, где предстояли холодные ночевки. Чтобы уменьшить вес рюкзаков и повысить тепловой комфорт мы с Володей решили сшить двуспальный мешок. Для этого я притащил шерстяное одеяло. Володина мама Валентина Николаевна выделила ватное и была нашей наставницей по портняжничеству. Но поход запомнился не тем, что я спал с руководителем в одном мешке, а тем, что на каждой ночевке (в поселках, охотничьих избушках, в палатке) перед сном мы зажигали свечку и долго играли в преферанс. Так коротали темное время. В начале февраля за Полярным кругом светлого времени мало, а ночи длинные.

Все шло нормально до последнего перехода. Вечером остановились под перевалом, за которым была конечная точка нашего маршрута – город Кировск. Наше пристанище – сарай – не сарай, избушка – не избушка. Расположились, поели. В ведре замочили горох, который дежурный должен был сварить на завтрак, и поставили на теплую печку. А чуть выше курильщики повесили кисет с табаком, чтобы подсох. Утром разлили суп по мискам, а есть невозможно. Горечь! Оказывается ночью кто-то задел кисет, и он свалился в ведро. Все понимали, что голодными идти на перевал негоже, но и ждать новой еды некогда. Съев по несколько ложек, начали вставать на лыжи. Курильщики чувствовали себя прилично. А вот некурильщиков стало выворачивать с кишками. Что делать? Перераспредели их груз, и ушли на перевал. К вечеру были в городе.

«Разбирайтесь!» Вспоминаю как курьез, а точнее как бесшабашность с элементами хулиганства, одни ночные туристские соревнования на первенстве Москвы. Это уже было ближе к концу 50-х годов. Каждая команда состояла из шести человек: четверо парней и две девушки. Чем не туристская группа? Поздно вечером все команды высадились на одной из подмосковных станций. Капитанов подозвали к судьям и выдали карты. Засверкали фонарики, и вся толпа (человек около 300) ринулась в лес. Не помню, как и куда бежала наша команда

менделеевцев. Но отчетливо помню, что вскоре мы были насквозь мокрые, а затем и продрогшие. К середине ночи добрались до финиша и, похоже, первыми. Тогда уже в нашей команде была Лариса Орлова (будущая Владимирова), которая в 1965 г. в Перми стала победительницей Вторых всесоюзных соревнований по ориентированию. Установили палатку, а костер не разгорается – дрова сырые. И тут Эрик Овсянников притащил отличный щит из досок. Финиш располагался недалеко от деревни, и Эрик снял дверь с одной из уборных. Утром судьи подняли нас очень рано. С ними пришел хозяин дома. Наверное, он очень ругался. Но запомнился приговор судей: «Разбирайтесь, иначе мы вас снимем!». Мы поплелись в судейскую коллегию, но не замазывать грехи, а искать Кудрявцева. Он был то ли заместителем главного судьи, то ли самым главным. Знали, что у него всегда на слетах, как и в походах, была фляжка со спиртом: выпрашивал у отца – химика-профессора. Николай Тихонович заведовал кафедрой электрохимии в Менделеевке. Володя, конечно, был в курсе нашего мародерства, но бранить не стал, а отдал фляжку. В итоге: с хозяином рассчитались, медали получили.

На Камчатке. После «Ужгорода-63» Володе удалось склонить руководство Центрального совета по туризму к дальнейшему продвижению соревнований по ориентированию в стране. Было намечено через два года провести Вторые всесоюзные соревнования, а для популяризации бега с компасом и картой организовать летом 1964 г. в трех регионах (Центр, Урал и Дальний Восток) зональные состязания. Чтобы они стали своеобразными мастер-классами, было решено направить в каждую зону по две команды из тех, которые заняли в Ужгороде 1-6 места. Как известно, москвичи на Карпатах были пятыми. Следовательно, нас куда-то должны были послать. И тут страсть к путешествиям разыгралась вновь. А что если попасть к дальневосточникам и после завершения соревнований совершить поход по Хамар-Дабану или Якутии, а может быть по Чукотке? Вскоре стало известно, что зона будет в Чите. Уж коль мы за государственные деньги окажемся так далеко от столицы, то можно за свои продолжить путь до Камчатки. Когда еще побываешь в стране вулканов и гейзеров? Поделались своей идеей с Володей. В итоге ЦС по туризму принял решение направить в Читу команды Латвии и Москвы, а Кудрявцева, Колесникова и Кирчо включить в состав ГСК. Мы же возложили на Володю очередную заботу по оформлению похода третьей категории сложности в Долину гейзеров.

Наиболее основательно подготовился к походу Юра Гольяпин. Он раздобыл рецепт приготовления малосольной красной икры. Оказалось, что для этого обяза-

тельно должна быть сырая картофелина. Далее готовится раствор соли такой концентрации, чтобы картофелина плавала. На второй день маршрута после нескольких переходов по берегу Тихого океана мы оказались в устье речки, где лосось шел на нерест. Здесь наш Тяпа начал хмичить (готовить раствор), а все остальные стали выбрасывать на берег рыбин и выдавливать в банку икру. Чтобы икра просолилась, требовалось около пяти дней. За это время мы пришли в Долину гейзеров.

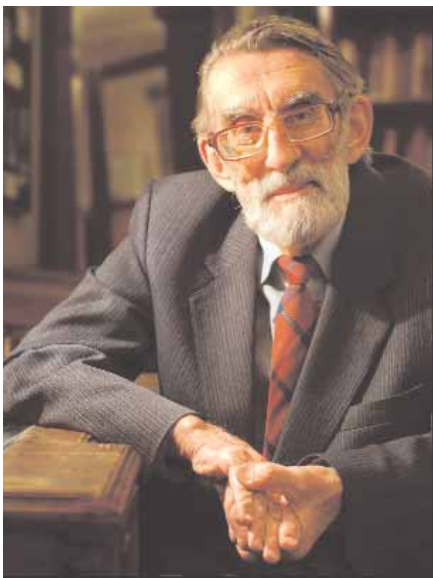
Теперь наступил черед бенефиса Кудрявцева. По его настоянию, вместо традиционных сухарей мы взяли в поход муку, чтобы каждый вечер печь блины и есть их с красной икрой. Гуляй, пока гуляется! Но первый же блинный праздник был омрачен необыкновенным открытием. Пока пекли блины, опустился вечер, и мы забралась ужинать в палатку. Тут в темноте кто-то заметил, что у человека, сидящего напротив, светится рот. Рты и зубы не светились только у тех, кто еще не начинал есть. Посмотрели на ложку, которой доставали икру из банки, она также светилась. Нас охватил ужас. Радиация! Ведь не так уж далеко от Камчатки до атолла Бикини, где американцы проводили ядерные испытания. Да и Советский Союз два года назад на Новой Земле взорвал самую мощную 50-мегатонную бомбу. А Договор о прекращении ядерных испытаний на земле, под водой и в космосе вступил в силу лишь год назад. Что делать? Все смотрят на Кудрявцева. Как ни как, он – руководитель похода и недавно защитил диссертацию кандидата химических наук. Володя долго молчал, а потом предложил обсудить ситуацию. Приняли единственно правильное решение: доест блины, конечно с икрой, и ложиться спать. Утро вечера мудренее! Проснулись. Животы не болели. И тут прилетел вертолет. Оказывается «Мосфильм» снимал на Камчатке кинокартину «Дайте жалобную книгу». Когда мы подошли к ним попросить хлеба, то оказалось, что весь их реквизит состоял из десятка бочонков с икрой. Значит, если будут хоронить, то не только нас. Немного полегчало. К тому же киношники предложили поучаствовать в съемках. Нас усадили около костра, в руки дали миски, но в них ничего не положили. Женя Арцис должен был внести в кадр бревно и сбросить его в костер. Сняли за один дубль. Если хотите посмотреть, как получилось, то приобретите видео-кассету. В кинотеатре теперь такие фильмы не крутят. Вернувшись в Москву, выяснили, что свечение икры было из-за люминесценции, а не ядерных испытаний. Так что правильно сделали, что ее съели.

Дальше наш маршрут проходил через кальдеру Узона. Кальдера – это жерло взорвавшегося вулкана. Сейчас там – большое озеро и нескончаемое количество

фумарол, которые кипят и выпускают газы. Палатки установили на небольшой площадке около ручья. Чуть забрезжил рассвет, как от кострища начали доноситься шорохи и позвякивания. Кто-то выглянул из палатки и в ужасе зашептал: «Медведь! Медведь!» Тут уж проснулись все. Бурый медведь старался достать из нашего котла остатки ужина. Из соседней палатки Арцис закричал: «Володя! Стреляй в него!» Ружье, как всегда, лежало под боком у руководителя. Но дуло его было обращено к задней стенке палатки. Кудрявцева раздумывал, как его развернуть и нужно ли вообще стрелять. Ведь можно промахнуться или ранить зверя. Что потом будет? Однако Арцис не унимался и настаивал: «Дайте ружье! Я в него стрельну!» Тем временем медведь убедился, что в котле пусто, и начал удаляться от кострища. Мы для него интереса не представляли.

Заключительная часть маршрута проходила около вулкана Семячек. Он извергался. Володя решил не рисковать, и мы поднялись только до того места, где горячие вулканические бомбы падали на склон. Феерическое зрелище. А в сторону Тихого океана одно за другим медленно уходили небольшие облака. Точно гигантский курильщик выпускал кольца табачного дыма.

Воспоминания Никиты Владимировича Благово

Первый – всегда первый. Это было более полувека тому назад, в 1963 году. Тогда спортивное ориентирование начинало брать свои первые азимуты, развивалось в ряде крупных регионов страны, и постепенно укрепилось мнение, что пора провести всесоюзные соревнования. Но существовало и немало скептиков, сомневающихся в возможности чёткой организации столь масштабного мероприятия «едва оперившимися птенцами».

Извержение вулкана, 1964 г.

И тогда, чтобы подтвердить справедливость амбиций, решено было провести в Ленинграде матчевую встречу нескольких сильнейших команд страны. На эти соревнования, проходившие 7 июля на Карельском перешейке, в качестве инспекторов-наблюдателей приехала группа молодых специалистов лесного спорта из Москвы. Её руководитель в момент рукопожатия произнёс: «Володя Кудрявцев». И тотчас улыбнулся. Улыбка оказалась необычайно обаятельной, вызывающей доверие и симпатию. Это первое впечатление не только не стало обманчивым, но постоянно и во многих отношениях проявлялось на протяжении всех лет нашего знакомства – на соревнованиях, в поездках, на заседаниях президиума Центральной секции, просто во время тех или иных встреч.

Ленинградцы, организаторы тех «репетиционных» соревнований, конечно, волновались и первое время с опаской поглядывали на представителя столицы. Но вскоре убедились, что этот прекрасно сложенный, спортивный, скорее юноша, чем молодой человек, не только никому

не мешает ненужными советами, не вмешивается в работу судей, но, если и высказывается по тому или иному поводу, то весьма доброжелательно, убедительно и тактично. Всем этим, своей, ни в коем случае не показной, а внутренней интеллигентностью, Володя раз и навсегда располагал к себе всех, кому доводилось с ним встречаться.

Хорошее проведение «тестового» матча команд Москвы, Ленинграда, Свердловска, Вильнюса и Таллинна окончательно убедило чиновников Центрального совета по туризму в возможности и необходимости организации всесоюзного первенства. И в том, что эти соревнования, состоявшиеся осенью того же года в Ужгороде, прошли успешно, во многом заслуга их фактического организатора (формально – заместителя главного судьи) Владимира Николаевича Кудрявцева. Ответственность на нём лежала огромнейшая – оттого, как будут проведены первые всесоюзные соревнования, фактически зависело будущее нового вида спорта. Ему приходилось «на ходу» решать массу неожиданных, и зачастую

Встреча с руководством ИОФ

непривычных вопросов, демонстрировать дипломатические способности в улаживании судейских конфликтов. И во всех случаях Володя проявлял уверенность в принимаемых решениях, выдержку и спокойствие, умение выслушать оппонента и убедить его в своей правоте. Уже тогда мы видели в лице Владимира Николаевича Кудрявцева, первого председателя Центральной секции ориентирования, нашего лидера – доброго и мудрого, верили и знали, что он везде будет твёрдо защищать интересы спортивного ориентирования, заботиться о его развитии. В этом в последствии приходилось многократно убеждаться. Атмосфера проведения им президиумов Центральной секции всегда была, я бы сказал, почти праздничная, приподнятая, доброжелательная, что никак не мешало достаточно чёткой, деловой, работе этого главного в ориентировании страны общественного органа.

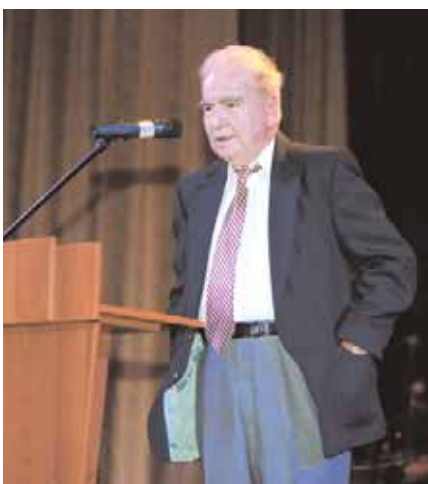
Мы знали, что наш председатель – крупный учёный, профессор, доктор химических наук и с другой стороны – мастер спорта по туризму. Но сам Володя никогда не подчёркивал свои «чины и звания», не «важничал», как сказали бы в былые времена. Это качество – свидетельство хорошей внутренней культуры.

На международном уровне. Владимир Николаевич много раз достойно представлял нашу страну на конгрессах Международной федерации ориентирования, делал всё для того, чтобы убедить чиновников в необходимости вступления СССР в эту организацию. Не раз он был руководителем групп советских наблюдателей на чемпионатах мира и в этом качестве демонстрировал находчивость и даже смелость, присущие ему и в других случаях. Помню, осенью 1968 года, когда только что произошли трагические события в Чехословакии, наша группа прилетела в Швецию на второй чемпионат мира. Нам задавали весьма сложные, порой с оттенком враждебности, политические вопросы. Но руководству удалось избежать излишней напряженности.

Постоянно ощущал его поддержку. Период становления и развития спортивного ориентирования в нашей стране связан с именами многих общественных деятелей, но первым в этом ряду бесспорно и навечно стоит В.Н. Кудрявцев. И для меня, с удовольствием много лет работавшего под началом Володи, постоянно ощущавшего его поддержку в сложных ситуациях и понимание ленинградской специфики, это время было во многом лучшим в моем 55-летнем увлечении замечательным лесным спортом.

Жаль, что чиновничья ограниченность мышления не позволила Владимиру Николаевичу возглавить созданную в 1979 году Федерацию спортивного ориентирования СССР и плодотворно руководить ею ещё многие годы.

Воспоминания Евгения Борисовича Грановского

А судьи кто? В бюро Центральной секции ориентирования я несколько лет возглавлял коллегия судей и хорошо знаю, как комплектовались бригады арбитров для соревнований различного ранга. Но в связи с празднованием 50-летия Первых всесоюзных соревнований я неоднократно ловил себя на мысли, что не представляю, как была создана судейская коллегия в Ужгороде-63. Думаю, что главным судьёю В.А. Пичугина назначили в Центральном совете по туризму, поскольку он был начальник отдела и имел звание арбитра всесоюзной категории по лыжным гонкам. Его заместителем, естественно, утвердили Владимира Кудрявцева как председателя Центральной комиссии по слетам и соревнованиям. Ему поручили подобрать остальных судей. И он, как всегда, мудро решил, что нужно просто дать разнарядку в Советы по туризму республик Прибалтики, Москвы, Ленинграда, Свердловска и ряд других городов России. Пусть на местах сами разбираются, кого послать. Кроме того, в такой интернациональной бригаде меньше будет поводов кого-то обвинять в подкуживании.

Мне с Ужгородом просто повезло. Незадолго до этого в качестве отбора и подготовки команды в районе реки Волгуши с успехом и размахом прошел Кубок Москвы. Туда (впервые в истории) участников привезла длинная вереница автобусов. К соревнованиям был причастен Саша Колесников, а один из организаторов – Коля Богданов. Мы были тогда активом Октябрьского районного клуба туристов. Так что я подозреваю, что меня порекомендовал Саша, а Володя Кудрявцев был к этому не причастен. В Ужгороде среди рядовых судей нас было пятеро от Москвы: еще А. Кирчо, О. Романовский, Б. Кандауров (на тот момент – председатель Октябрьского клуба) и А. Евдокимова – дочь сотрудницы Центрального совета по туризму.

Предполагалось, что мы будем судьями на КП. Но меня почему-то ленинградец Н. Благово, отвечавший за информацию, пригласил в свою бригаду.

Отвечать за карты и трассы Кудрявцев попросил своего заместителя по Центральной комиссии А. Колесникова. В качестве начальников дистанций были утверждены москвич И. Плотке, таллинец Р. Вяльба, ленинградец А. Муравьев и Р. Дундзис из Литвы. Пост главного секретаря занял З. Пинзелик из Мукачева. Но подстраховывать его Володя предложил рижанке А. Межараупе, которую хорошо знал по слетам туристов Прибалтики. В руководящий состав в качестве заместителей главного судьи были включены еще киевлянин В. Никольский и ленинградка Г. Васильева.

«Вот так надо ориентироваться!»

Володя Кудрявцев был настоящим лидером нашего сообщества ориентировщиков. Он всегда приходил на заседания Центральной секции хорошо подготовленным, владеющим вопросами, которые обсуждались в этот день. Сами заседания он проводил спокойно, давая всем заинтересованным лицам высказаться. В то же время он не допускал ненужных споров, всегда умел с юмором остановить тех, кто переходил рамки уважительного и конструктивного обсуждения. А надо признать, что все мы считали свои вопросы самыми главными и горячо отстаивали свои позиции.

Вспоминаю один эпизод, связанный с участием Володи в соревнованиях. Это было на Кубке Москвы по лыжному ориентированию на маркированной трассе примерно в 1968-1969 годах. Дистанция была длинная, сложная, с большим количеством КП, и все участники нахватили большие штрафы (по одной минуте за каждый миллиметр отклонения от точки). Единственный, кто прошел всю дистанцию без штрафа, был Володя. Время его было далеко от лучшего, но «чисто» пройти всю дистанцию удалось только ему. Его лицо светилось от радости, когда он увидел результаты.

«Вот так надо ориентироваться!» – сказал он окружающим. И все с уважением посмотрели на руководителя любимого вида спорта.

Русский десант в Линчэпинге. Во время этой поездки случилась казусная история. Буквально накануне советские танки вошли в Чехословакию. Перед выездом нас инструктировали, как отвечать на возможные вопросы по этому поводу.

В один из дней нас привезли на тренировку. Одновременно с нами прибыл автобус со шведскими ориентировщиками. Пока мы шли от парковки к месту старта, пассажиры перемешались, и рядом со мной оказались два шведских парня. Выяснив, что я могу объясняться на немецком, они стали меня расспрашивать об ориентировании, о том, почему мы не

1969 г., Брянск

участвуем в чемпионате мира, а потом плавно перешли к событиям в Чехословакии. Я отвечал так, как нам было указано на инструктаже. Под конец мы сфотографировали друг друга, обменялись сувенирами и распрощались.

Утром следующего дня подхожу я к автобусу, а там уже сидит наша Галина Леонидовна Васильева, которая курировала ориентирование во Всесоюзном совете ДСО профсоюзов. Сверкает глазами, туча-тучей. Когда все собрались, она в микрофон говорит: «Пока все знакомилась с постановкой дела в шведском ориентировании, некоторые из нас давали интервью шведским журналистам и комментировали политику Советского государства» и при этом злобно смотрит на меня. Затем она вынимает местную газету, показывает на первой странице мою фотографию и заголовок: «Русский десант в Линчепинге: Советский инженер Евгений Грановский комментирует ввод советских танков в Чехословакию. Читайте наш репортаж на стр...».

Васильева передаёт газету нашей переводчице и командует: «Переведите нам, что он тут наговорил».

К моему счастью, парни оказались честными и добросовестно пересказали то, что от меня услышали.

«Твоё счастье, а то бы тебя в Москву немедленно отправили», – сказала она уже более миролюбиво, взглянув на Кудрявцева и Б.Г. Фадеева, заместителя председателя ЦС по туризму, возглавлявшего нашу группу. На этом инцидент был исчерпан.

С вершины прошедших лет хочу сказать, что поездка в Швецию продвинула развитие нашего вида спорта сразу лет на десять. Удивляюсь, как Кудрявцеву удалось тогда подвигнуть туристское руководство страны на такое мероприятие. За десять дней мы увидели, как все организовано на мировом уровне, побегали по трассам чемпионата, прикинули силы спортсменов разных стран. Кроме того, шведы были очень гостеприимными, организовали для нас встречи со своими ве-

дущими специалистами-картографами, постановщиками дистанций, тренерами. Каждый из нас увез массу книг, буклетов, спортивных карт. Все это сразу попало в десяток городов страны, из которых в группу были включены ведущие организаторы соревнований и спортсмены.

Последний звонок. Когда в начале октября 2013 года в Доме Российской Армии проходило торжественное собрание, посвященное 50-летию отечественного спортивного ориентирования, то при встречах ветеранов чаще других звучал вопрос: «А Кудрявцев будет?» В ответ пожимали плечами. Лишь Евгений Иванов знал, что Володя тяжело болен и вряд ли приедет. Так и оказалось. Но я на следующий день все же набрал его телефонный номер. Ирина Ивановна долго не хотела передавать трубку Володе. Лишь после того, как я объяснил, что специально прилетел из Америки, мне удалось поговорить с ним. Теперь я знаю, что среди ориентировщиков я был последний, кто пообщался с Владимиром Николаевичем перед его кончиной.

Воспоминания Евгения Ивановича Иванова

Первый руководитель отечественного ориентирования. 1958 год. Московский клуб туристов на Рабочей улице. Вечер пятницы. В клубе и вокруг него толпа возбужденных туристов: идет регистрация команд-участниц соревнований на первенство Москвы «по закрытому маршруту». Я пробился с заявкой к столу судейской коллегии, за которым вместе с главным судьей Владимиром Кудрявцевым сидели его помощники Виктор Риневич и Ирина Вайнштейн. Так состоялась моя первая встреча с боссами московского туризма.

С тех пор я регулярно встречался с Володей на соревнованиях, где обычно он выступал в роли главного судьи. Больше того, будучи заядлыми туристами и возглавив несколько походов высшей ка-

тегории трудности, Кудрявцев, Огородников и я получили звание мастера спорта. В это же время мне посчастливилось подружиться с Женей Арцисом, Сашей Колесниковым, Юрой Крыловым, Юрой Гольяпиным и другими ребятами. В 1963 году нам удалось объединиться и пройти сложный лыжный маршрут по Саянам. Несколько лет мы посвятили походам в горах Кодара, Кузнецкого Ала-Тау, Прибайкалья, Баргузинского хребта, Камчатки. Во время наших путешествий мы постоянно пользовались авиацией, и Володя воспринимал эту необходимость крайне неохотно. Обычно в самолете он садился рядом со мной и, поскольку я был выпускником МАИ, дотошно выспрашивал: «Гляди, как трясутся крылья! Они же могут отвалиться!» Я ему отвечал: «Володя, успокойся, вибрация рассчитана точно. Мы в безопасности». Однажды в походе передовая группа во главе с Юрой Крыловым ушла вперед буквально на сорок-пятьдесят минут. Когда подошли остальные, прояснилась такая картина: подготовлена площадка для палатки пять на пять метров (а это значит – утоптан метровой слой снега), а над ней нависла огромная ель, которую Юрка спилил, но не завалил: она зацепилась за соседние деревья. Готовить новую площадку не было сил. Ставим палатку и нутром чувствуем над собой многогранную ель. Непревзойденный юморист Женя Арцис, невинно роняет: «Володя, а тебе не кажется, что наша ночевка похожа на полет на аэроплане?» Да, шутки и смех были у нас постоянными спутниками. Наша группа сплотилась в крепкую, дружную семью, несомненным лидером которой признавался Володя. Правда, когда на следующий год мы попытались вновь предложить ему возглавить нашу группу, он решительно запротестовал. С тех пор мы руководили нашими путешествиями по очереди. Наша компания регулярно ходила в подмосковные походы. До сих пор не можем забыть, что ему фатально не везло с одеждой, которую он вывешивал сушить у костра. То куртку спалит, то рубашку, то носки. Дело дошло до того, что, почуяв запах чего-то палевого и убежденные в авторе пожара, мы с хохотом кричали: «Кудрявый, спасай одежду!» Володя на наши вылазки всегда брал с собой рослого дымчатого дога с великолепной шерстью по кличке Дымок, с участием которого происходили всякие забавные истории. На одном из соревнований, где туристы состязались в скорости установки палатки, Дымок прорвался сквозь толпу зрителей, подбежал к палатке и задрал ногу. Все вокруг восторженно заорали, а капитан команды Женя Арцис завопил: «Я буду протест писать!» А Дымок забрался на холм, и, расставив мощные лапы, стал равнодушно обозревать окрестности. Наше внимание привлекла маленькая собачонка, которая ка-

рабкалась по откоосу и визгливо облаивала Дымка. В какой-то момент она слишком близко подползла к нему, и тот, даже не взглянув на нее, грозно рявкнул. Ошарашенная псина скатилась вниз, но тут же возобновила свою атаку. Дымок, не выказывая никакой агрессии, ответил вновь. Так повторялось несколько раз, пока шавка не уgomонилась. Все это время зрители изнемогали от смеха. В вагоне электрички мы обычно непрерывно пели песни, а одну из них, про милицию, с особенным удовольствием, потому что в тот момент, когда милиционер начинал общаться с гражданами, Володя щелкал пальцами и Дымок гавкал во всю свою мощь.

Много лет Кудрявцев руководил маршрутно-квалификационной комиссией МГС ДСО «Буревестник». Эта комиссия изучала состав группы туристов, маршрут похода, определяла возможные опасности и назначала контрольные сроки возвращения из путешествия. Тем самым члены комиссии брали на себя большую ответственность за безопасность туристов. Такая работа приучает разбираться в людях, грамотно оценивать те или иные события. Это, несомненно, сказалось на дальнейшей деятельности Владимира Николаевича. Все эти годы мы не переставали заниматься туристскими соревнованиями, которые приобретали в стране все более широкий размах. В 1962 году при Центральном совете по туризму была создана Центральная комиссия по слетам и соревнованиям, председателем которой стал Владимир Кудрявцев, а его заместителями – Борис Огородников и Александр Колесников. Я в то время занимался судейством московских соревнований. Когда на следующий год было принято решение о проведении Всесоюзных соревнований в Ужгороде, главным судьей утвердили В.А. Пичугина (зав. отделом кадров ЦС по туризму, судьей международной категории по лыжному спорту), его заместителями – Кудрявцева и Колесникова, в состав службы дистанций был включен Игорь Плотке (позднее все трое вошли в число первых ориентировщиков, которые получили звание судьи всесоюзной категории). Естественно, что Пичугин выполнял роль «свадебного генерала», а всеми техническими вопросами руководили наши друзья. Решением Московской комиссии по слетам и соревнованиям вместе с составом столичной команды утвердили тренеров – Е. Арциса и вашего покорного слугу. Честно говоря, тренерами мы числились номинально (профессионалов в то время не существовало). Наш близкий друг Борис Огородников после отборочных соревнований уверенно вошел в состав сборной команды Москвы. Один из лидеров московского туризма Платон Воротников заявил, что Борис наверняка войдет в десятку сильнейших. Так оно и получилось.

В 1965 году по предложению Володи я перешел на работу в Центральный совет по туризму на должность ответственного секретаря Центральной комиссии по слетам и соревнованиям, которая спустя два года была переименована в Центральную секцию ориентирования. На протяжении 11 лет я был непосредственным свидетелем бескомпромиссной борьбы Кудрявцева с профсоюзными бюрократами за интересы спортивного ориентирования, каковым оно в конце концов стало называться. Дело в том, что ЦС по туризму, будучи сугубо коммерческой организацией, начисто отвергал наши попытки встать в ряды спортивного движения. Постоянно урезались календарные планы соревнований, игнорировались наши просьбы о проведении учебно-тренировочных сборов, исключались международные встречи, кромсались сметы расходов секции, прямо запрещалось указывать в наших документах слова «спорт», «спортсмен», «тренер». Когда мои яростные попытки не достигали цели, мне приходилось обращаться к помощи своего старшего товарища. А тот, узнав о моих наскоках на начальство, выговаривал мне: «Ты понимаешь, что если тебя уволят, то это будет удар не только по тебе, но и по ориентированию?» Затем он незамедлительно отправлялся к председателю ЦС по туризму А.Х. Абукову и, как правило, убедительно аргументируя свои доводы, добивался нужного для нас решения. Не помню, вслух или мысленно, я всегда называл его нашей палочкой-выручалочка. Володя умело руководил работой Бюро Центральной секции. На заседаниях время от времени между членами Бюро происходили конфликты по техническим вопросам – все из-за того, что в его состав входили, не побоюсь этого сказать, блестящие специалисты. И каждый из них упрямо отстаивал свою точку зрения. Кудрявцев великолепно справлялся с трудной ситуацией и находил выход из, казалось бы, безнадежного положения. Это происходило по многим вопросам: во время обсуждения таблицы условных знаков, правил соревнований, разрядных требований и т.д. и т.п. Бывали случаи, когда все становилось в тупик перед неразрешимой задачей. Поразительно, но он каким-то образом улавливал в стоящей проблеме более глубокий смысл, чем мы видели на самом деле, и предлагал неожиданное для всех заключение. Вспоминаю, как однажды Саня Колесников задумчиво произнес: «Это здорово, что у нас есть такой человек. Мы бьемся, не зная даже, как назвать проблему, а он послушает, послушает и выдает ее решение». Должен отметить еще одно замечательное качество Кудрявцева: он избегал принимать скоропалительные решения. Семь раз отмерь и один раз отрежь – таково его жизненное кредо.

Хотелось бы вспомнить про обстоятельные беседы Владимира Николаевича с президентами ИОФ Э. Тобе и Л. Хейдеманоу, чему, несомненно, способствовало знание разговорного английского языка, которое он приобрел в годы стажировки в Англии и во время командировки в Индию. В 1973 году Кудрявцев выступил на Конгрессе ИОФ с поддержкой идеи о проведении чемпионатов мира по лыжному ориентированию. Было принято положительное решение и первый зимний чемпионат состоялся в 1975 году.

В течение нескольких лет шла борьба за передачу ориентирования в спортивные организации. Здесь столкнулись различные мнения членов Бюро. Не скажу, что Владимир Кудрявцев однозначно относился к этой проблеме. Понадобилось время, чтобы он принял окончательное решение. Я понимаю его разочарование и, возможно, глубокую обиду, когда при формировании руководства Федерации спортивного ориентирования деятели Спорткомитета СССР его кандидатуру проигнорировали. И это – человека, который в течение 18 лет возглавлял наш любимый вид спорта!

Воспоминания Юрия Сергеевича Константинова

Партийная закуска. Для меня знакомство с Владимиром Николаевичем состоялось в 1972 году, когда большая группа советских специалистов в качестве туристов выехала на чемпионат мира по ориентированию в Чехословакию. Мне было тогда 25 лет. Я был в группе одним из самых молодых, а Кудрявцев возглавлял Центральную секцию ориентирования. Он с его годами, званиями, заслугами и общественным положением был для меня одним из самых значимых авторитетов.

Так уж получилось, что в Праге нас разместили в дешевом отеле. Но в четы-

режестном номере мне посчастливилось жить с Владимиром Николаевичем, его заместителем по Центральной секции Александром Колесниковым и Евгением Риневичем. Всем троим еще пять лет назад в числе 12 первых было присвоено звание судей всесоюзной категории по ориентированию. Я поневоле был свидетелем взаимоотношений старых друзей, объединенных туристскими походами и работой по развитию нашего вида спорта. Их окружала очень дружеская атмосфера, с постоянными добродушными подкалываниями. Но когда вопросы касались ориентирования, тон разговора менялся и становился деловым. При этом все же чувствовалось, что и в этом узком кругу очень почтенных людей Кудрявцев был самым уважаемым, лидером, чье решение воспринималось безоговорочно.

Для меня в этой поездке все было в новинку, а Кудрявцев имел уже большой опыт заграничных выездов. Так, после окончания Менделеевского института он более года находился на стажировке в одном из университетов Великобритании. Он взялся за мое обучение поведению за рубежом. Эти уроки я помню и сейчас. Вечером наша группа ходила по Праге, причем не только по центру, но и по слабо освещенным улицам, пытаясь увидеть жизнь не только с парадного хода. Больше всего Кудрявого, как звали его друзья, тогда в Праге поразили неснимаемые на ночь дворники с лобовых стекол автомашин, на что он обращал наше внимание несколько раз.

Позже (1975–1979 гг.) я стал ответственным секретарем Центральной секции ориентирования и работал под непосредственным руководством Владимира Николаевича. Этот период оказался одним из самых плодотворных и запомнившихся на всю жизнь, сформировавшим меня как организатора, работающего с людьми. И в этом громадная заслуга В.Н. Кудрявцева, его заместителя Б.И. Огородникова, других членов бюро, имевших, как правило, в свои еще сравнительно молодые годы высокие ученые звания, занимающих ответственные должности в своих институтах и учреждениях. Это был коллектив единомышленников, охваченный идеей развития ориентирования, имеющий несколько лидеров, но среди которых ими был выделен главный – Кудрявцев. И, как я понимаю, это стало следствием того, что почти все они много лет в составе одной группы ходили в сложные походы.

Владимир Николаевич вел заседания бюро Центральной секции ориентирования очень демократично, давал высказываться всем, но при этом не позволял растекаться по древу, уходить в сторону, как это часто бывает у общественников. Дискуссии на заседаниях бывали, но в рамках приличия. Решения принимали с учетом многократных высказываний, мнений выступавших и, особенно, иногородних членов бюро. Обязательно велся протокол за-

седания, в котором вопросы освещались полностью, подробно фиксировались все выступления. В этом чувствовалась партийная закалка, ведь Владимир Николаевич был секретарем парткома Института физической химии АН СССР.

Кудрявцев пользовался неоспоримым авторитетом не только среди общественников, в том числе председателей комиссий других видов туризма, но и среди работников аппарата Центрального совета по туризму и экскурсиям, а также его председателя Алексея Хуршудовича Абукова. Владимира Николаевича неоднократно избирали членом президиума Центрального совета, что позволяло ему решать вопросы развития ориентирования напрямую с руководством. Помню, какой фурор в аппарате ЦСТЭ произвело известие, что Кудрявцев избран делегатом XXV съезда КПСС от Московской городской партийной организации. Спустя некоторое время после съезда состоялась специальная полуторачасовая встреча всех сотрудников Центрального совета с Владимиром Николаевичем, на которой он рассказал о своих впечатлениях. Понятно, что, имея такого председателя, мне как ответственному секретарю было легче решать текущие вопросы в любом подразделении Центрального совета.

Воспоминания Генриха Васильевича Шура

«ГУКи» - «ТУКи». В период продвижения топографической грамотности в массы на семинарах активистов спортивного ориентирования, организованных Центральной комиссией по слетам и соревнованиям, я рассказывал о существующей топогеодезической службе Главного Управления геодезии и картографии (ГУГК) Совета Министров СССР, о съемке местности, об инструментальном создании топокарт, об аэрофотосъемке и т.д. Мои старания были замечены Владимиром Кудрявцевым, и дело закончилось

образованием комиссии по картам при СТК, а меня назначили её руководителем.

Володю чем-то привлекала аббревиатура ГУГК, и он частенько острит по этому поводу, а на одном семинаре придумал на меня даже «кликуху». Открывает дверь в аудиторию, и я слышу: «А! Это Шур читает свою лекцию про «ГУКи»-«ТУКи».

Я не обижался, а коллеги принимали все с юмором.

Коробок спичек. Не мог представить, что содержимое спичечного коробка вырубит меня из привычного ритма жизни на двое суток и оставит след навсегда.

Я жил в то время в Куйбышеве. В Москву приехал на очередной президиум Центральной секции ориентирования, который вел наш бессменный председатель Володя Кудрявцев – Владимир Николаевич, потомственный ученый-химик.

За прожитые годы я общался с огромным количеством людей, но среди них оказалось не так уж много тех, кто запал мне в сердце на всю жизнь. Один из них – Володя.

Не помню, где и когда мы познакомились, похоже, в 1964 году. Я уже был семейным папой, имел детей и, как позже выяснилось, был старше Володи на 8 лет.

Чем же он мне «запал»? За 15 лет совместной общественной работы я никогда не слышал от него не только крика, но и повышенного тона. Как ему это удавалось, как ему удавалось доносить наши мысли до руководства – загадка. Конгломерат членов президиума Центральной секции состоял из индивидуумов высочайшего ранга не только по образованности и лидерству, но и по общей человеческой культуре. И управлял этим сообществом влюбленный в лесной спорт Владимир Кудрявцев!

Сейчас я могу признаться: мое уважение к Володе переросло в обожание. Его речь, улыбка, прическа, его доброе рукопожатие и... умение носить одежду (причем любую)! Одевался Володя с «иглочками» – будь то гражданский костюм, будь спортивный. Его спокойные и мудрые решения редко оспаривались нами. Вокруг него как бы светилась аура высочайшей интеллигентности. Все это и есть та самая харизма, которая встречается не так часто. К сожалению, я не имел с ним постоянных отношений, но всегда тянулся к нему.

Как вы догадываетесь, коробок спичек имеет прямое отношение к Владимиру Кудрявцеву. А произошло следующее. По окончании заседания президиума он подошел ко мне:

- Когда едешь домой?

- Сегодня вечером на поезде.

- Выручай! Наш институт и моя лаборатория работают с одним из КБ Куйбышевского завода. Я тебе дам одну детальку, которую надо передать туда. Если эта

фиговина не прибудет завтра в Куйбышев, может сорваться полет в космос!

Что-то похолодало у меня внутри, я лишь пробормотал, стараясь быть спокойным:

- Конечно, давай, передам.

- Спасибо заранее, счастливого пути, держи.

Володя протянул мне спичечную коробку, заклеенную калькой. Я понял, что теперь «покой мне только снится». В голове одна мысль, куда её спрятать? Полка – верхняя, уже хорошо – меньше контактов. Коробку засунул в ... плавки, в голове – деталька-фигушка! А вдруг авария, куда я с ней? Мысли гоню, но не получается, засело слово «космос». Все! Спать не буду, вдруг тормоз: я – с полки, а коробочка? И так – 20 часов!!! Дома дозволился контрагенту и рухнул на диван. Вечером приехали за фигуршкой двое молодых ребят, привезли бутылку вина, килограмм колбасы и конфеты. Я решил и спросил, что в этой коробочке? «Небольшой стальной прутик с гальваническим покрытием», – последовал ответ. Парни с энтузиазмом поблагодарили и уехали.

Я жил на «Безымянке», в заводском районе, где чуть ли не все площадки были заняты оборонными предприятиями. При КБ «Прогресс», известном теперь космокораблями, работала очень серьезная секция ориентировщиков. В ее составе были судьи республиканской категории Яков Зуперман и Юрий Баранов. Я дружил с Яковом и попросил его объяснить, что такое гальваника. Он улыбнулся и сказал: «Это покрытие, которое защищает металл от коррозии».

Так я узнал, чем занимается наш председатель помимо ориентирования. А трагикосмическую историю с «коробком спичек», именуемую мной «Секретное задание Владимира Кудрявцева», помню до мелочей.

Как только запускают очередной корабль в космос, я вспоминаю «фигушку» и прекрасного человека Владимира Николаевича Кудрявцева.

Не угадал. В 1998 году мы отмечали 35-летие отечественного ориентирования в «Президент-отеле». И вот почти через 20 лет после создания Федерации спортивного ориентирования СССР я вновь увиделся с Володей, причем оригинальным способом. Мне и Владиславу Мартишеву поручили вызывать на награждение цвет нашего ориентирования. Сидим, готовимся, и вдруг кто-то из-за головы закрыл мне глаза очень ласковыми руками. Перебрал всех, кого вспомнил, а вспомнить было кого, и... не угадал. Наконец, я обернулся. Это был Володя! Мы обнялись. Все тот же Володя Кудрявцев! Немного седины прибавило ему шарм, блестяще одет, все те же добрые глаза. К сожалению, это была последняя наша встреча. Как-то потеряли мы друг друга. А жаль!

ИСТОРИИ ОТ ГЕОРГИЯ ИЛЬМЕНКОВА

(ДРУЗЬЯМ-ОРИЕНТИРОВЩИКАМ И ВСЕМ,
КОМУ ЭТО БУДЕТ ИНТЕРЕСНО)

Ралли 50. Очень смешная история случилась зимой 1993 года, когда Толя Патаков, Алик Жуков, Коля Махалов и я решили принять участие в ночных командных соревнованиях на лыжах по ветеранской группе под названием «Ралли 50» – надо было отыскать КП в трёх разных районах по разным картам: в Юкках, в районе нынешнего Охта-парка и в районе за ВИФКом. По птичьему полёту дистанция вместе с переходами из одного района в другой составляла 50 км. Соревнования организовывали спасатели. Стартовали после девяти вечера от школы (остановка «Школа» по Выборгскому шоссе). Мы довольно быстро вернулись в школу, пройдя первую дистанцию раньше всех. На вторую нас долго не выпускали, поскольку ещё не вернулся начальник дистанции. Однако нам разрешили стартовать, не дождавшись его и дав две схемы как добраться по дорогам на лыжах до следующих районов. Финишировать должны были на ВИФКе, где предполагалось заночевать. По размокшим (около +1 С) дорогам докатили до моста через Охту на пути в Сярги, за которым начиналась вторая дистанция. Первый КП должен был находиться на пересечении канав недалеко от подножия открытого склона, где сейчас находится горнолыжный спуск Охта-парка. Однако пункта не оказалось, и поблизости не было видно никаких лыжней. Мы нацепили в качестве своей отметки клочок от наше-

Ильменков Георгий Владимирович (1933 г.р.) – Президент Федерации спортивного ориентирования Санкт-Петербурга в 1992-1995 гг., руководитель оргкомитетов первого Мемориала Михаила Святкина (1993 г.) и Кубка Мира среди ветеранов (1995 г.).

го номера на ветку куста и вышли к открытому склону. Там мы неожиданно увидели человека, рассматривавшего при свете слабого фонарика карту. На наш вопрос «Вы с Ралли?» парень ужасно обиделся, а мы повалились от хохота в снег. Оказалось, что это был начальник дистанции. Мы ему сказали, что он легко найдёт точку, где нужно поставить пункт, по нашей лыжне, а он нас заверил, что остальные КП поставлены. Но это было неправдой, то есть откровенной ложью. Правда, клочок бумажки у второго пункта висел. Нам, естественно, всё это как-то разонравилось, и мы быстро покатали на станцию в Токсово, чтобы успеть уехать домой на одной из последних электричек, вспоминая время от времени вопрос, который мы задали начальнику дистанции. Больше в такие «Ралли» мы не «игралли».

Новогодняя эстафета. В 1969 году Людвиг Беляков придумал соревнования под названием «Новогодняя эстафета» и провёл первые старты в районе посёлка Кавголово, что между Рапполово и Осельками. С того времени эти соревнования стали традиционными. За неделю до одной из первых таких эстафет мы с Людвигом поехали в Осельки прорубить, прокатать и поставить маркированные дистанции в районе справа от железной дороги. Был очень сильный мороз – около - 40 С. На моей жизни, если мне не изменяет память, в нашем городе и пригородах такая температура была раза четыре – держалась по 2–3 дня. Проблем с экипировкой у нас не было. Хорошо поработав, перед отъездом домой мы прихватили с собой к Новому Году по небольшой ёлочке, уместив их в наших самодельных чехлах вместе с лыжами. Дома мы обнаружили, что они оказались абсолютно нагими – их красивые шубки превратились в кучки ароматных иголок на дне чехлов.

Я совсем запамятовал, что у меня уже был опыт общения с ёлками в такой